

Путешествие в Италию

Ониправляли свой медовый месяц, вернее, лишь медовые дни и медовые часы, так как на большее не хватало времени. Муж служил в каком-то учреждении, а после обеда садился за работу, которую брал на дом; жена преподавала в начальной школе, по вечерам исправляла тетради или давала частные уроки, чтобы тоже немного подработать. Каждую свободную минуту они старались посвятить самообразованию — читали, ходили на лекции. Даже театр и концерты посещали не для развлечения, а для каких-то более серьезных и важных целей.

Все это казалось им в порядке вещей, ведь они были бедны, как церковные мыши: не было у них ни приличной одежды, ни даже настоящей квартиры, не говоря уже о мебели и всем прочем. Лишь одно сокровище было у них — вера в свою счастливую звезду, превращавшая несуществующие вещи в ощущимые и реальные. Так они жили и работали, словно уже достигли того, к чему так стремились: уютной квартиры, где можно устраивать маленькие вече-ринки в кругу близких друзей.

Конечно, у них были еще и мечты, но они находились как бы за пределами досягаемости, за пределами вероятного. Их время наступит тогда, когда счастливая звезда будет достигнута и их скромные желания сбудутся. Только тогда родится мечта, только тогда она оживет, так что ее, пожалуй, можно будет встретить на улице гуляющей с лунным светом, в шелковых чулках и лакированных туфельках.

Их величайшая мечта родилась дня через два после свадьбы. Они еще любили ходить под руку, тесно прижавшись, разговаривая и порой заглядывая друг другу в глаза. Им тогда было удивительно хорошо, в глазах мужа еще горела страсть, а щеки

жены заливались стыдливым румянцем — она уже знала, как невыразимо приятно краснеть под взглядом мужа.

Они переходили от витрины к витрине, разглядывали выставленные там вещи, интересовались их ценой, любовались дорогими украшениями, вид которых приводил женщину в трепет. Однажды они подошли к витрине бюро путешествий, где были выставлены плакаты с изображением различных видов транспорта — пароходов, автомобилей, поездов, аэропланов — и описывалось, как удобно, быстро и приятно на них путешествовать.

Через столько-то и столько-то дней или часов можно очутиться в Берлине, Лондоне, Риме и бог знает где еще.

— А помнишь наше первое случайное путешествие? — спросил муж.

— Помню! — ответила жена. — Помню даже, о чем мы тогда говорили.

— И подумай, как странно: я ни с кем никогда ни о чем подобном не разговаривал, ни до, ни после. Мне это просто в голову не приходило. Отправиться путешествовать, да еще в Париж или Рим! — об этом не могло быть и речи. Ведь не было ни денег, ни других возможностей. Самое большее, о чем я мог мечтать, — это о поездке в Курессааре или в Нарва-Йыэсуу. Да и эти места казались мне безумно далекими. Но как только я увидел тебя в вагоне у окна, я подумал: а что, если бы я сейчас ехал в Италию? Утомленный, задремал бы, а проснувшись, опять увидел бы тебя у окна. Ты едешь со мной, словно мы уже сговорились ехать вместе. Едем и едем, а когда глаза наши встречаются, улыбаемся друг другу, как старые знакомые.

— Как старые знакомые, — повторила жена. — Вот именно. С самого начала нам казалось, будто мы старые знакомые. И когда мы наконец спросили друг друга — куда кто едет, — то оба, смеясь, ответили: в Рим. «А, может быть, остановимся в Венеции?» — спросил кто-то из нас. «Хорошо», — ответил другой. Мы условились встретиться во Дворце дожей, в камере пыток. А следующую встречу назначили на

площади Святого Марка, среди голубей. И оба смеялись. И вот мы в Нарва-Йыэсуу, на песчаном пляже. Летают береговые ласточки, слышен крик чаек, а мы мечтаем о площади Святого Марка и голубях, только о голубях.

— Эта наша первая поездка в Италию была для меня самым прекрасным путешествием. Но взгляни на этот пароход, какой он высокий, роскошный! Если бы и впрямь можно было здесь, среди льда и снега, сесть на него и не двигаться до тех пор, пока не покажется берег, весь в цветах и свежей зелени. Солнце и ароматы цветов!

— Да, если бы это было возможно! Ради этого я готова хоть целую неделю страдать от морской болезни. Если бы мы могли запереть свою комнату со всем скарбом на ключ, закинуть его на ближайшее облако или сунуть первому попавшемуся нищему, назвав ему улицу, номер дома, квартиры и сказав: все, что ты там найдешь, бери себе; бери и пользуйся, а хочешь — поделись с кем-нибудь, словом, поступай, как тебе угодно, потому что мы едем в Италию, едем туда, где тепло и много зелени, где цветут деревья и кусты. Нам теперь ничего не нужно, ровным счетом ничего, мы уезжаем. Всего доброго, милый нищий, всего доброго!

— А что, если в самом деле взять да и поехать? — неожиданно сказал муж уже вполне серьезно.

— Поедем! — подхватила жена, затрепетав от восторга, и этот трепет почувствовал и муж сквозь одежду.

— Решено! — сказал он. — Вот здесь, у витрины бюро путешествий, мы торжественно клянемся друг другу не успокаиваться до тех пор, пока не соберем столько денег, чтобы можно было поехать во Дворец дожей и на площадь Святого Марка. Призываем свидетели эти пароходы, аэропланы, поезда и автомобили. Во время нашего первого совместного путешествия мы шутили, теперь же, клянусь всем святым, мы говорим серьезно.

— Не станем снимать квартиру, будем по-прежнему ютиться в одной комнате, не надо нам ни мебели, ни сервисов, даже одежду и обувь будем дона-

шивать старую. Забудем про театр, кино, концерты, про увеселения и лакомства, станем жить только для своего путешествия, — торжественно, в тон ему, сказала жена.

— Во веки веков, аминь! — закончил муж.

Затем последовало короткое молчание, словно они мысленно вкушали грядущее блаженство. Потом женщина спросила:

— И сколько же времени мы должны будем так жить, чтобы достичь своей цели?

Он подумал немного, перебирая в уме какие-то цифры и цены, затем ответил:

— Года три-четыре, не больше.

— А не меньше? — спросила жена.

— Едва ли.

— Как долго! — задумчиво протянула жена.

— Долго? — удивился муж. — Разве это долго! Что такое три-четыре года. Мне сейчас двадцать шесть, тебе двадцать один, а тогда мне будет тридцать, тебе только двадцать пять. Это лучшие годы.

— А если... — начала она, но не договорила.

— Что — если? — спросил он.

— Если что-нибудь случится?

— Например? Война, болезнь, смерть?

— Нет, — мягко ответила жена.

— Так что же? — спросил муж.

— Со мной, — промолвила жена.

— А что с тобой может случиться?

— Какой ты глупый, — засмеялась жена, а самой было так приятно, что у нее глупый муж, который ничего не понимает. — Дети, — прошептала она наконец, и муж почувствовал на своей щеке ее теплое дыхание.

Он растерянно умолк: действительно, каким надо быть дураком, чтобы не подумать о такой простой вещи.

И они молча зашагали по ярко освещенной улице, погруженные каждый в свои мысли.

*

Прошли годы, долгие, тяжелые годы.

Муж и жена уже давно не гуляют, не любуются выгринами. Порой им кажется, будто они никогда этого и не делали. Даже воспоминания об этом, в сущности, и не воспоминания вовсе, а лишь смутный сон. Спина у мужа сгорбилась, и его можно увидеть, лишь когда он идет на работу или возвращается домой, ведь его жизнь теперь — это труд, один только труд. Кажется, будто он и не подозревает, что существует еще какая-то другая жизнь. Забота о том, как прокормить и одеть себя, детей и их худую, изможденную мать — вот его главная задача.

Он ясно помнит: уже через каких-нибудь три-четыре месяца после их торжественной клятвы у витрины бюро путешествий жена таинственно прошептала ему что-то на ухо, и он, печально улыбнувшись, заметил:

— Вот оно, наше первое путешествие в Италию.

В ответ на эти слова жена тоже улыбнулась; и с тех пор они ни разу не вспоминали о своей клятве. Потом эта клятва затерялась где-то в глубине сознания, продолжая жить там, как нечто туманное и расплывчатое.

А жизнь шла своим чередом. Родился второй ребенок, потом третий, потом четвертый. Их родилось бы, наверное, еще больше, если бы не болезни жены, они дали ей возможность перевести дух: хвояя, она растопила тех, кого уже произвела на свет.

Как и раньше, их единственной реальной мечтой оставалась квартира, мебель, посуда и всевозможные мелочи, необходимые в доме, где ждут ребенка. Приходилось считать каждую марку, каждый пенни, тщательно взвешивать — стоит ли покупать ту или другую вещь, ту или другую тряпку. По мере того как семья росла, забывались концерты, забывался театр, только в кино удавалось иной раз сходить, да и то лишь на самую далекую окраину. Деньги тратились теперь не на театр, а на что-нибудь из одежды или на учебник, не на концерт, а на какую-нибудь погремушку.

Так один серый год сменялся другим. Не было уже важных и возвышенных мыслей, не было уже высо-

ких чувств, не рождались больше несбыточные мечты, которые увлекали бы их куда-нибудь вдаль — прочь из этой тесной квартиры, из мира повседневных забот и тревог.

— Когда же наконец дети вырастут! — вздыхала порой мать.

— Да, вот подрастут, встанут на ноги, тогда, быть может, и вздохнем посвободнее, — говорил отец.

И вот наконец наступила минута, когда дома на радость старикам осталась только младшая дочь. Ей тоже пора было поступать на работу, но благодаря заступничеству матери девушке разрешили еще год посидеть дома.

— Ведь она у нас последняя, — сказала мать отцу, — больше у нас детей не будет, пусть хоть эта увидит светлые дни, помянет когда-нибудь добром отца с матерью. Старшим-то поневоле пришлось сразу к чужим людям наниматься.

Так и осталась дома их щебетунья — младшая дочь: порхающая походка, слова точно бабочки, смех как колокольчик, глаза будто звезды лучистые.

— Она в тебя, она больше на тебя похожа, — говорил иной раз муж про младшую дочь.

— Совсем как я, такая же резвушка, — соглашалась жена.

Но не прошло и года, как появился мужчина, который захотел, чтобы глаза легкомысленной девушки сияли только в его комнате, чтобы ее смех-колокольчик звенел только в его ушах, чтобы слова-бабочки порхали вокруг него и чтобы он всегда видел рядом с собой легкую фигурку, словно готовую в любую минуту вспорхнуть и полететь.

Мужчина был беден, как и девушка, но между ними зародилась любовь, зародилась, быть может, именно потому, что они были бедны, ведь без любви их жизнь была бы слишком тоскливой. Любовь стала их единственным достоянием, единственным утешением; по вечерам они бродили по освещенным улицам города и мечтали обо всем, чем обделила их жизнь: мечтали о богатстве, о роскоши, о драгоценностях и развлечениях, о вкусных вещах. Вечер за

Вечером бродили они вдвоем и мечтали вслух, и не было конца их мечтам и разговорам.

Но им еще никогда не приходила в голову мысль о путешествии, о том, чтобы поехать куда-нибудь далеко, где все ново — люди и жизнь, ветер и солнце, птицы и цветы, долины и горы, острова в синем море и звезды в темном летнем небе.

Но вот однажды они очутились перед огромной витриной бюро путешествий, заполненной всевозможными проспектами и картами, изображениями огромных, роскошных пароходов, поездов, автомобилей и аэропланов — смотри и высчитывай, во что обойдется и сколько займет времени поездка в Берлин, Париж, Швейцарию, Рим, Неаполь и т. д.

Они долго смотрели и читали, изучая маршруты путешествий и тарифы. Наконец девушка вздохнула.

— Если бы можно было поехать, если бы можно было сесть на пароход или в поезд и поехать!

— А ведь, пожалуй, и можно, стоит только очень захотеть, — ответил мужчина.

— Но как?

— Накопим денег, — ответил он. — Ты тоже поступишь на службу, станем оба зарабатывать.

— Когда еще от этого толк будет! — вздохнула девушка. — Прежде состаримся.

— На это уйдет не так уж много времени, — ободрил ее мужчина. — Ты по-прежнему будешь жить у родителей, я — у тетки, тогда нам и квартира не понадобится. Подыщем себе добавочную вечернюю работу, будем трудиться изо всех сил, ни одного пенни не станем зря тратить, все деньги будем в банк вносить.

— А свадьба? — спросила девушка.

— Свадьбу, разумеется, придется отложить.

— И надолго? — спросила девушка.

— Ну, как тебе сказать: ты будешь получать пять тысяч марок в месяц, на первых порах на большее трудно рассчитывать — я сейчас получаю семь, в будущем году, быть может, немного прибавят. Если найдем вечернюю работу, а мы ее обязательно найдем, то каждый месяц сможем откладывать с тобой по крайней мере пять тысяч. Таким образом за год

мы накопим шестьдесят тысяч, за три года — сто восемьдесят, вместе с процентами это составит, пожалуй, тысяч двести; на эти деньги мы наверняка сможем поехать хоть в Италию.

— Даже в Италию? — воскликнула девушка.

— Даже в Италию! — подтвердил он.

— Начнем копить! — воскликнула девушка, схватив его за руку.

— Начнем! — ответил он, пожимая ей руку.

— Вот только как со свадьбой, — промолвила девушка немного погодя, — мама не хочет, чтобы мы ее откладывали.

— Ну, тогда справим свадьбу, а жить будем, как и до сих пор — квартиру снимать не станем, мебели покупать не будем, новой одежды тоже, — будем жить, как жених с невестой.

— Хорошо! — горячо воскликнула девушка.

В эту минуту из-за угла показались старик и старушка. Они уже вырастили своих детей, и те, кроме младшей дочери, уже вылетели из гнезда. Муж и жена опять остались одни, как много лет тому назад. Теперь у них снова было время, чтобы гулять вдвоем по городу и любоваться роскошными витринами. Сегодня они чуть было не остановились у витрины бюро путешествий, но в последнюю минуту старик заметил стоявшую там молодую пару. И, не сказав ни слова, он увлек старушку в переулок, точно убегая от недоброго видения.

— Зачем ты меня так тащишь? — спросила старушка, даже обидевшись.

— Они там, — ответил муж.

— Кто они?

— Да наши, конечно.

— Ну и что же?

— Они стоят у витрины бюро путешествий и держатся за руки.

Этого было достаточно. Старушка ни о чем больше не спрашивала. Старик тоже ничего больше не говорил. Тихие и печальные, побрали они домой и только тогда немного успокоились, когда, сунув ноги в мягкие туфли, сели и прижались спиной к теплой печке.

1930

